

любой из членов словосочетания может быть логическим предикатом (иными словами — выражать отдельное понятие), то им не может быть компонент сложного слова; логическим предикатом может быть только все сложное слово в целом. Несовпадение значения сложного слова и сочетания значений его компонентов, как бы они ни казались близкими друг к другу, проявляется и в том, что объект, обозначаемый таким сложным словом, в момент сообщения может и не обладать теми признаками, которые составляют содержание его внутренней формы (*к'алмн'ин* «житель с. Кальмы», буквально: «в Кальме находящийся») может в данный момент и не находиться в Кальме и, наоборот, не всякий человек, находящийся в данный момент в Кальме, является его жителем), в то время как словосочетание (свободное) всегда указывает на признаки, присущие объекту в момент сообщения.

Следствием семантической цельности сложного слова является и его отличие от словосочетания, заключающееся в том, что если каждый знаменательный член словосочетания может быть распространен каким-либо другим словом, то этого нельзя сделать в отношении любого компонента сложного слова в отдельности, а лишь в отношении всего сложного слова в целом. Любое распространение одного из компонентов сложного слова приводит к отторжению распространяемого компонента и разрушению самого сложного слова, к разрушению значения, им передаваемого. Например: *пилачо* «осетр», *леле пила чо* «очень большая рыба». Эта особенность сложного слова (как и невозможность вставить другое слово между компонентами сложного без нарушения значения последнего) также является одним из его существеннейших признаков, в котором проявляется функционирование сложного слова в предложении как единого целого, как одной лексической единицы.

По нашему мнению, семантическая цельность сложного слова является тем его основным и исходным признаком, который определяет отличие сложного слова от свободных словосочетаний в синтаксическом плане, формальные изменения компонентов некоторых сложных слов, обуславливающие формальное отличие сложных слов от соответствующих словосочетаний, и другие рассмотренные выше особенности сложных слов. Заметим, однако, что хотя семантическая и синтаксическая цельность и являются такими признаками, которые характерны для слова во всех языках, эти признаки не во всех языках ограничивают сложное слово от словосочетания. Известно, например, что в индоевропейских языках такими же признаками обладают также и устойчивые словосочетания, которые выполняют в языке ту же роль, что и слова (сложные слова), функционируя в языке как готовые единицы. Тем не менее, с логической точки зрения было бы неправильно исключать семантическую и синтаксическую цельность из числа признаков слова только потому, что есть другие языковые явления, которые, будучи переходными, также обладают этими признаками.

В. З. Панфилов

ЗАВЕРШЕННОСТЬ КОНСТРУКЦИИ КАК ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Одним из существенных моментов при характеристике синтаксических конструкций является установление их законченности или незаконченности. Вопрос о завершенности конструкции непосредственно сопрягается с вопросом о грамматической сочетаемости разрядов и форм слов. В своем наиболее общем виде грамматическая сочетаемость — это потенциальная способность определенных разрядов или форм слов сочетаться с другими разрядами или формами слов¹.

Однако характер этой потенциальности у различных форм весьма неоднороден. Даже у одной и той же формы некоторые из возможных сочетаний только факультативны, между тем как другие являются необходимыми — и это различие чрезвычайно важно в грамматическом плане. Например, в предложении *Окна дома ярко блестели на солнце* сочетаемость существительного (в данном случае *окна*) с определением в родительном падеже является факультативной, а сочетаемость определительного родительного падежа с определяемым существительным является обязательной. Предложение *Окна ярко блестели на солнце* вполне возможно, хотя оно и несколько беднее в смысловом отношении.

Итак, сочетаемость бывает факультативная и обязательная, причем у одной и той же формы слова обычно бывает не одна, а несколько «сочетатель-

¹ В дальнейшем изложении мы будем — там, где это возможно, — для удобства заменять выражение «разряды или формы слов» простым термином «форма».

ных возможностей». Впрочем, среди всех видов сочетаемости, которые свойственны данной форме, по меньшей мере одна должна быть обязательной (или становится обязательной в определенных условиях) — иначе эта форма не могла бы быть соотнесена с другими словами, т. е. не могла бы быть включена в состав предложения. Так, в русском языке родительный падеж существительных может употребляться в различных сочетаниях (например, он может входить в группу глагола, в группу существительного; он может употребляться также в сочетании с прилагательными и числительными). Но в одно из этих сочетаний родительный падеж должен вступить во что бы то ни стало, если он вовлекается в реальный речевой процесс. Исключением являются только формы, образующие односоставные предложения. Но и здесь нередко можно обнаружить следы определенной обязательной сочетаемости (см. ниже).

Наличие обязательной сочетаемости давно отмечалось в лингвистике¹. Особенно большую роль играли здесь наблюдения над «недостаточностью» ряда глаголов с точки зрения образования сказуемого (проблема копулы, глаголы «неполной предикации»). С другой стороны, понятие переходности глагола также с самого начала было связано с представлением о необходимости для определенного разряда глаголов сочетаться с определенной формой имени. По сути дела на понятии обязательной сочетаемости основано понятие «сильного управления». Необходимость наличия косвенного падежа при каком-либо другом слове ограничивается здесь от случая, когда косвенный падеж только возможен.

Обязательную сочетаемость как общую грамматическую закономерность надо отличать от многочисленных случаев лексической обязательной сочетаемости. Так, нередко обязательная сочетаемость возникает как результат специфической семантики слова. Например, в русском языке существительное *ряд* в своем неопределенно-количественном значении должно, как правило, «опереться» на какое-нибудь другое, предельно более определенное слово, чтобы в предложении создавалась необходимая полнота смысла. Нельзя сказать *Он повстречался с рядом* или *Он написал ряд*. Обязательно надо сказать примерно: *Он повстречался с рядом приезжих* и *Он написал ряд писем*. Но это не потому, что слово *ряд* — существительное или стоит в косвенном падеже и т. п., а потому, что это слово обладает специфической семантикой. Если мы в тех же предложениях заменим слово *ряд* другими существительными с четким предметным значением, то эти предложения окажутся совершенно законченными; ср.: *Он повстречался с приезжими*; *Он написал письма*². Между тем обязательная сочетаемость как грамматическое явление фигурирует там, где необходимость восполнения данного слова другим словом для завершения конструкции диктуется общими грамматическими свойствами данного слова, его принадлежностью к определенному разряду или его постановкой в определенной форме.

Заслуживает внимания тот факт, что среди различных «сочетательных» возможностей одни могут оказаться обязательными, а другие нет. Например, «строго транзитивные» глаголы обладают обязательной сочетаемостью с подлежащим и с прямым дополнением; между тем с обстоятельством, косвенным дополнением и предикативным определением они соединены лишь потенциальной сочетаемостью. По сути дела у всех форм, играющих в предложении роль второстепенных членов, сочетаемость неравноправная. Они все обладают обязательной сочетаемостью (иногда выборочной, иногда единственно возможной), между тем как формы, играющие роль главных, необходимых членов предложения, обладают по отношению к второстепенным членам предложения лишь потенциальной сочетаемостью.

Но существует и взаимная обязательная сочетаемость. Так, в отношении подлежащего и сказуемого не только сказуемое (например, сказуемое, выраженное полнозначным глаголом) тяготеет к подлежащему, но и подлежащее тяготеет к сказуемому. Их сочетаемость обязательна в обоих направлениях — в направлении от подлежащего к сказуемому и обратно; и именно это составляет едва ли не решающее различие между сказуемым отношением и всеми другими видами синтаксических отношений.

Односторонняя обязательная сочетаемость характеризует, как правило, формы, находящиеся в синтаксико-морфологической формальной зависимости от тех форм, с которыми они сочетаются. Здесь действуют отношения грамматического господства — согласование, управление, примыкание. Совершенно по-особому складываются грамматические отношения в сказуемом сочетании. Выступающий в качестве подлежащего именительный падеж грамматически не зависит ни от какой другой формы, в том числе и от сказуемого, с которым он сочетается. Более того, само сказуемое граммати-

¹ Ср., например: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 7-е изд., М., 1956, стр. 396; В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетания (на материале русского языка), ВЯ, 1954, № 3.

² Между грамматической и лексической сочетаемостью существует, конечно, много переходов. Ср. замечания А. М. Пешковского о соотношении более общих и более частных форм словосочетания (А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 78).

чески зависит от него, согласуясь с ним. И все же, выступая в качестве подлежащего, именительный падеж обладает обязательной сочетаемостью по отношению к сказуемому — он вводится в предложение именно для того, чтобы получить свое определение в сказуемом, он как бы устремляется к нему.

Таким образом, если в некоторых случаях обязательная сочетаемость выявляется и в какой-то мере порождается уже самой морфологической природой формы, ее «подчиненным», зависимым характером, то в других случаях она выявляется и порождается лишь в условиях определенной синтаксической конструкции. Но и в этом случае с данной формой оказывается сопряженным определенный вид сочетаемости. Он закрепляется в ней, хотя не имеет непосредственной морфологической основы, а дан только синтаксически.

Для оформления синтаксических структур роль потенциальной сочетаемости и сочетаемости обязательной далеко не одна и та же. Если при какой-либо форме отсутствуют те или иные члены, которые могли бы стоять при ней в силу ее потенциальной сочетаемости, то это не оказывает никакого влияния на соответствующее предложение ни со структурной, ни со смысловой стороны. Например, все многообразие обстоятельств, возможное при глаголе, фактически может при нем отсутствовать.

Обязательная сочетаемость, напротив, создает резкое различие между законченными и незаконченными синтаксическими конструкциями. Там, где в какой-либо синтаксической структуре стоит форма, обладающая по своей морфологической природе или в силу данного синтаксического использования обязательной сочетаемостью, там возникает настоятельная необходимость выполнения этой структуры соответствующим компонентом, что определяет соответствующую схему необходимого состава данной структуры.

Но обязательная сочетаемость придает той форме, свойством которой она является, и такие черты, которые в конечном счете могут повести к формальным последствиям совсем иного порядка. При точно направленной обязательной сочетаемости в форме, которая этой сочетаемостью обладает, как бы уже содержится предвосхищение того, что должно быть в данной структуре восполнено. При этом такое предвосхищение может быть в разной степени конкретизировано. Так, наличие связного глагола *быть* обязательно указывает на определенный предикатив, но само по себе, если не учитывать семантику подлежащего, общий контекст и т. д., не содержит в себе указания на более конкретный вид этого предикатива и на его семантику.

Например, наличие связки *ist* во фрагменте немецкого предложения *Die Rose ist...* совершенно ясно предвосхищает некий предикатив, но этим предикативом в равной степени может быть и именительный падеж существительного (*Die Rose ist eine Blume*), и прилагательное (*Die Rose ist schön*), а в какой-то мере, как член «расширенного сказуемого», и наречие, предложные группы и т. д. (*Die Rose ist in der Vase*; *Die Rose ist da* и т. п.)¹. Между тем при переходных глаголах типа *nehmen* предвосхищается только одна форма — форма винительного падежа.

Однако именно в силу этого при наличии форм, обладающих четко направленной обязательной сочетаемостью, можно обойтись без языкового выражения какого-либо компонента отдельным словом или словосочетанием, если семантически оно может быть легко восполнено из контекста или ситуации, например: «*Вы берете эту книгу?*» — «*Беру*».

На первый взгляд может показаться, что обязательная сочетаемость просто превратилась здесь в сочетаемость потенциальную. Раз при глаголе винительный падеж оказывается факультативным, т. е. может либо стоять, либо отсутствовать, то это действительно очень напоминает факультативность наличия при полнозначном глаголе, например, обстоятельство. Вместе с тем здесь имеется все же и существеннейшее различие. Не вошедшие в состав данного предложения члены, которые опирались бы на потенциальную сочетаемость, могут оказаться вообще не актуальными для высказывания. Обозначаемые ими предметы, признаки и явления могут не привлечь к себе внимания, могут вообще не войти в круг мысли, находящей свое выражение в данном предложении. Между тем не вошедшие в предложение члены, которые должны были бы опираться на обязательную сочетаемость, всегда актуальны для высказывания и обозначаемые ими предметы или явления непременно привлекают к себе внимание и находятся в кругу мысли говорящего (и слушающего).

В начале настоящей статьи при рассмотрении обязательной сочетаемости мы подчеркивали именно необходимость конкретного, непосредственного присоединения одной формы к другой. В ходе нашего исследования выяснилось, однако, что этого может и не быть, что первая форма может стоять в предложении и без второй формы. Более того, даже в аналитических грамматических формах возможно абсолютное употребление компонентов. Ср. *Ты будешь писать?* — *Буду*. Однако формы, обладаю-

¹ Ср. В. Г. А д м о н и, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 55—56.

щие обязательной сочетаемостью, но выступающие абсолютно, существуют не сами по себе. Они опираются на аналогичные формы, при которых стоит соответствующий, требуемый ими компонент. Именно первые («полные») структуры объясняют вторые («абсолютные»), а не наоборот. Если бы реальная обязательная сочетаемость не была прочнейшим образом закреплена в языковом строе, не вошла бы существеннейшим моментом в грамматическое содержание отправной формы, то «абсолютная» структура была бы невозможна — значение второго компонента не входило бы обязательно в состав мысли, а было бы только факультативным, как это имеет место при потенциальной сочетаемости.

Сочетаемость вообще является особым грамматическим свойством, присущим каждой грамматической форме. Но при наличии обязательной сочетаемости от соответствующей формы исходит такая ясная, отчетливая проекция синтаксического отношения, что в случае абсолютного употребления данной формы эта проекция выходит за пределы предложения и неизбежно заставляет мысль проделать соответствующий путь и включить в свой состав нечто, не падающее прямого лексического выражения в данном предложении. И именно в силу чисто грамматической обоснованности этой проекции, являющейся определенным формальным свойством грамматической формы, мы можем говорить о ней не в семантическом плане, не с точки зрения теории эллипсов, приемысливания и т. д., а в плане конкретно грамматическом и формальном. Это подтверждается, в частности, тем, что абсолютное употребление форм, обладающих обязательной сочетаемостью, не произвольно, не зависит только от условий ситуации и контекста, а связано с общими закономерностями строя того или иного языка.

Дело в том, что такое требование завершенности конструкции, которое предполагает реализацию полной схемы этой конструкции, обнаруживается неодинаково отчетливо в различных языках. Если в строе некоторых языков оно действует с большой строгостью, то в других оно ощущается значительно слабее. И как раз в русском языке, с его чрезвычайно свободным синтаксическим строем, с характерной для него непосредственной связью между словом и предложением, сохранение «полной» схемы конструкции оказывается, как правило, отнюдь не необходимым. Именно поэтому, вероятно, последователи неполных предложений и диалогической речи в русском языке иногда освещают свою проблему так, как будто вообще не имеется почти никаких границ для «дробления» конструкции при наличии соответствующих условий в ситуации и контексте.

Для того чтобы понять проблему завершенности конструкции во всей ее сложности, надо обратиться к материалу других языков.

*

Одно любопытное явление обнаруживается в структуре английских предложений, в состав которых входит связочный или вспомогательный глагол. При ответах на вопрос, при повторениях, вообще в тех случаях, когда содержание предикатива или именной части глагольной формы ясно из контекста, наличие связочного или вспомогательного глагола оказывается достаточным для структурной завершенности предложения. Например: «Have you anywhere to hang it?» — «I should think we had» (Galsworthy, *The white monkey*); «You remember given me a note to Mr. Creene, sir?» — «I do...» (Galsworthy, *The white monkey*). В некоторых случаях предложение, в котором стоит форма, ощущенная при служебном глаголе, даже удалено от сокращенного предложения: «Does he ever ask you now whether you see me?» — «Never» — «Why?» — «I don't know». — «What would you answer if he did?» (Galsworthy, *The white monkey*)¹.

Рассмотренное явление не стоит особняком в системе английского языка. Есть целый ряд грамматических фактов, которые в той или иной мере с ним соотносятся (например, употребление формального подлежащего *it* или *there*, использование вместо объекта форм *it* и *so*, применение вместо инфинитива словечка *to*, использование словечка *one* в атрибутивной группе и др.)². В. Н. Ярцева выдвигает особую категорию слов-заместителей, служащую для того, чтобы разрывная схема этих конструкций не была нарушена. При этом основная причина употребления таких слов-заместителей, с точки зрения В. Н. Ярцевой, заключается в развитии аналитического строя в английском языке³.

Признавая всю плодотворность такой концепции, мы все же полагаем, что ссылка на аналитический строй здесь не исчерпывает всей проблемы как с точки зрения самого существа языковых фактов, так и с точки зрения их связи со строем английского языка.

¹ Конечно, при необходимости подчеркнуть предикатив или дополнение употребляется полная конструкция, обычно с формами *it* или *so*.

² См. В. Н. Ярцева, Основный характер словосочетания в английском языке, ИАН ОЛЯ, т. VI, вып. 6, 1947; е е ж е, Слова-заместители в современном английском языке, «Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, вып. 14, 1949. Ср. также O. J e s s e n, *A modern English grammar on historical principles*, pt. II. Heidelberg, 1936, стр. 246.

³ В. Н. Ярцева, Слова-заместители в современном английском языке, стр. 205.

Прежде всего надо отметить, что не все случаи, объединяемые под наименованием «слова-заместители», однородны. Так, в конструкциях типа *I am* (в ответе на вопрос «*Are you ill?*») слово *am*, выступая в абсолютном употреблении на основе своей обязательной сочетаемости, «замещает» не отдельное слово, а целое словосочетание (*am ill*), и это его употребление отнюдь не помогает сохранить схему соответствующего предикативного словосочетания. Вместо схемы «подлежащее + связочный глагол + предикатив» здесь получается только сочетание «подлежащее + связочный глагол». Да и сама форма *am* в данном случае, строго говоря, прежде всего выражает саму себя, играет свою собственную роль.

Подобные отклонения от структурной схемы возможны не только на базе использования некоторых глаголов. Аналогично «замещают» целые сочетания, оставаясь вместе с тем самими собой, и родительный падеж при своем независимом употреблении (например, *of the three autos William's is the best*)¹ и специфические формы притяжательного местоимения типа *mine*, *hers* и т. д. (например, *He knew that the house was hers*)².

В этой связи крайне существенно, что как раз в немецком языке, который принадлежит к наименее аналитическим германским языкам, использование слов-заместителей для сохранения законченности, цельности структурной схемы проводится несравненно более последовательно. Так, при повторении и в диалоге связочные и вспомогательные глаголы недостаточны для образования сказуемого и завершения предложения. Здесь пиროчайшим образом используется словечко *es*, чаще всего в энклитической форме. Например, при ответе на вопрос «*Hast du das Buch?*» нельзя ответить «*Ich habe*», а надо обязательно сказать «*Ich habe es*» (*hab's*), при ответе же на вопрос «*Wer ist da?*» соответственно надо ответить «*Ich bin es*» (*bin's*) и т. д.³

Но если целый ряд явлений в системе «заместительности» в английском языке, таким образом, не может быть объяснен общим аналитическим характером строя языка, то в чем же причина этих явлений? Нам представляется, что здесь должны быть учтены два момента.

1. Как известно, сама аналитичность английского языка не является абсолютной. Несмотря на свою малочисленность, флексивные элементы занимает некоторые крайние существенные позиции в системе строя английского языка (главным образом в глаголе). Они прочно закреплены за определенными синтаксическими функциями, т. е. отличаются такой четкой направленной обязательной сочетаемостью, которая создает наилучшие предпосылки для развития абсолютного употребления. Так, родительный падеж в английском языке по сути дела монофункционален. Он может служить только определением к существительному, между тем как в немецком или в русском языках родительный падеж обладает целым рядом функций (в немецком, помимо определительной, также объектной, предикативной, обстоятельственной и приадактивной).

Но если одни формы английского языка так монофункциональны, обладают столь четкой направленной обязательной сочетаемостью, то большое количество других форм, напротив, характеризуется чрезвычайно широкой выборочной сочетаемостью, которая не позволяет опускать вторые компоненты сочетания. Такова, например, форма общего падежа. Более того, многие именные основы, выступая в общем падеже, сами по себе, по своей внешней форме, в силу господства конверсии в английском языке, до четкого раскрытия своей синтаксической роли в предложении соединяют в себе, по крайней мере с точки зрения слушающего, потенциальную сочетаемость как существительных, так и прилагательных, а в некоторых случаях даже глаголов. В формах типа *work*, *round* для четко направленной обязательной сочетаемости нет места. Именно поэтому, очевидно, определительные сочетания, состоящие в английском языке из слов в общепадежной форме, и нуждаются в воспроизведении всей схемы сочетания полностью, хотя бы с участием заместительных слов. (Характерно, что в немецком языке, где существительное и прилагательное морфологически различаются, подобное сочетание может оформляться абсолютным употреблением прилагательного.)

¹ Пример взят из книги: G. O. Curme, A grammar of the English language, vol. III — Syntax, New York, 1931, стр. 18.

² Ср. В. Н. Жигалов, И. П. Иванова, Л. Л. Иoff и К, Современный английский язык, М., 1956, стр. 56—57.

³ Это относится, как правило, к связочным и вспомогательным глаголам (и к переходным глаголам с семантикой схемы действия, типа *nehmen*, *geben*). У них абсолютное употребление встречается лишь в виде исключения: в диалогах (например, *Das wäre!*) или при подчеркнутом утверждении (например, «*Hat Borchardt geschickt?*» — «*Versteht sich, hat er...*» (Fontane, Stine). Впрочем, и тут показательно многоточие после *hat er...* Общей нормой даже для диалога здесь будет полная схема конструкции. В том смысле, как это ни парадоксально звучит, английский язык оказывается ближе к языку русскому, чем к немецкому. Ср. формы будущего времени и ответы в диалоге: *Вы будете читать?* — *Буду*; *Will you read?* — *I will (I shall)*; *Werden Sie lesen?* — *Ich werde lesen (Ich werde es tun)*.

2. Исследователи уже неоднократно обращали внимание на особое значение для строя английского предложения сказуемого отношения, т. е. сочетания подлежащего (имени в общем падеже) со сказуемым (в состав которого за ничтожными исключениями входит глагол). Будучи в основном фиксированным в своем внутреннем строении и занимая также определенное место в составе всего предложения, сказуемое сочетание, вообще являющееся необходимым для двусоставного предложения, становится в английском языке и структурным центром предложения, его структурной осью. В этом смысле здесь намечается существенное отличие от структуры предложения в немецком языке, где основную роль в организации предложения играет само сказуемое с его ди-стантным порядком слов.

Среди других основных синтаксических отношений сказуемое отношение выделяется в английском языке еще и тем, что оно сравнительно четко охарактеризовано не только средствами порядка слов, но и формально-флективными средствами. Не говоря уже о некоторых четких флективных моментах в структуре глагола (окончание 3-го лица единственного числа, формы простого прошедшего, специализированные спрягаемые формы вспомогательных и связочных глаголов), здесь еще можно отметить своеобразную взаимную компенсацию в формальном плане, имеющую место между подлежащим и глаголом в 3-м лице настоящего времени. В единственном числе существительное, выступающее в роли подлежащего, лишено окончания, а глагол имеет окончание *-(e)s*. Между тем во множественном числе существительное, выступающее в роли подлежащего, обладает показателем *-(e)s*, а глагол лишен окончания. Хотя по своему происхождению оба эти *-s* совершенно различны и хотя каждое из них утвердилось в своей функции на основе совершенно различных процессов исторического развития английского языка, тем не менее в сложившейся системе они оказались как-то взаимно соотносительными и взаимодополняющими. Ср., например, *a bell rings — bells ring*. Их чередование помогает четкому формальному построению сказуемого сочетания, хотя, конечно, здесь имеются и иные важнейшие средства: порядок слов, употребление артикля.

Наличие в настоящем времени, в 3-м лице, этого специфического формального явления, возникающего в наиболее чистом виде в тех случаях, когда подлежащее выражено существительным, а сказуемое полнозначным глаголом, имеет особое значение потому, что в остальных случаях подлежащее и сказуемое формально обозначены и структурно отгорожены от других грамматических форм слов значительно более четко.

Именно в свете всех этих общеструктурных и конкретно-формальных особенностей сказуемого сочетания в английском языке становится понятной и такая черта этого сочетания, как повышенная внутренняя слитность, спаянность. Если внутренняя спаянность вообще является существенной чертой синтаксических структур в английском языке ¹, то все же здесь возможна и известная градация этой спаянности. В частности, в ряде случаев и в английском языке одна и та же форма одновременно соотносена с разными компонентами в предложении, обладает сочетаемостью, к тому же обязательной сочетаемостью, направленной в разные стороны, обнаруживая при этом различную степень сцепленности с этими компонентами.

Как раз этот момент и кажется нам чрезвычайно важным для понимания абсолютного употребления ряда связочных и вспомогательных глаголов в английском языке. Эти глаголы обладают обязательной сочетаемостью и в сторону подлежащего, и в сторону предикатива или дополнения или именной части сложной глагольной формы. Но в силу особой внутренней спаянности сказуемого сочетания, их структурная связь с подлежащим оказывается теснее и нерасторжимее, чем их связь с предикативом и т. д. Теснейшее объединение в одном направлении делает более неустойчивой, более расторгимой связь в другом направлении. И хотя связи вспомогательного или соответствующих глаголов с предикативом, дополнением и именной частью сложной глагольной формы весьма важны (ведь они образуют вместе с предикативом один член предложения — сказуемое, а с инфинитивом и причастием образуют даже сложную форму одного слова), тем не менее они структурно могут обходиться в некоторых случаях без этих форм. Их связь с подлежащим оказывается еще более крепкой ².

Вместе с тем в этой сфере в английском языке заметны и противодействующие тенденции. Так, у огромного большинства английских глаголов структурно почти нерасторжимой оказывается связь с дополнением. Здесь, очевидно, проявляется та глубочайшая взаимозависимость между синтаксическим (и даже семантическим) характером

¹ Ср.: В. Н. Ярцева, Свободное и связанное дополнение в английском языке, сб. «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1941; е е ж е, Основной характер словосочетания в английском языке. Ср. также Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 89—90.

² Между тем в немецком языке эти связи оказываются по меньшей мере равносильными. Связочный и вспомогательный глаголы не могут структурно целиком переключиться на сочетание с подлежащим, обособляясь структурно от предикатива и т. д., хотя интонационно-синтагматически они нередко образуют единство с подлежащим.

глагола и дополнением (его наличием или отсутствием, его типом и т. д.), которая свойственна английскому языку¹.

Итак, на наш взгляд, структурная «достаточность» ряда служебных глаголов в английском языке основывается в значительной мере на такой общей закономерности, как наличие особо тесных связей между подлежащим и спрягаемой формой глагола². Возникает вопрос, как это явление соотносится с другими общими тенденциями развития строя английской речи. В этой связи нам кажется возможным предположить, что для рассматриваемых явлений существенными оказались те тенденции к структурному размежеванию важнейших синтаксических компонентов внутри предложения, которые проявляются в целом ряде индоевропейских языков. А. А. Потебня указывал как на важнейший момент в развитии индоевропейского предложения на усиление различий между именем и глаголом. Вместе с тем А. А. Потебня отмечал, что это развитие связано и с общей перестройкой внутри предложения, с растущей формальной дифференциацией членов предложения, обеспечивающей его единство и в усложненном виде³. Правда, для более новых этапов развития индоевропейских языков этот процесс сводится скорее к все более четкому выделению сказуемого (не только глагольного) из числа остальных членов предложения, а в некоторых языках (особенно в немецком языке) возникает резкое противопоставление глагольно-сказуемой группы, охватывающей и организующей все предложение, группе существительного, четко организованной внутри себя. Смысл этих процессов — обеспечение более четкой и наглядной организации предложения в условиях нарастающей сложности его состава.

Выделение одного сочетания — сочетания подлежащего с глаголом — как структурной основы предложения, являющейся его необходимым «минимумом» и резко отличающейся в морфологическом плане от всех остальных типов сочетаний, и оказывается в английском языке проявлением этой общей структурной тенденции в организации предложения. Конечно, само по себе обязательное наличие подлежащего при глаголе соответствует нормам аналитического строя. Но закономерностями аналитического строя нельзя объяснить, например, возможность структурной завершенности предложения при полной лексической невыраженности предикатива.

В. Г. Адмони

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ. I

Русское абрек

С тридцатых годов прошлого века, когда в русскую литературу прочно вошла кавказская тема, русский литературный язык обогатился новым словом: *абрек*. А. Марлинский и М. Лермонтов были если не первыми писателями, путившими его в оборот, то, во всяком случае, наиболее способствовавшими его популяризации⁴.

В «Аммалат-Беке» Марлинского *абрек* встречается неоднократно. Например: «*Абреки*, чтоб не разорваться в натиске, связались друг с другом поясами, и так бросились в сечу...». У Лермонтова в «Бэле»: «Говорили про него [Казбича], что он любит таскаться за Кубань с *абреками*, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья...». «... верно, пристал [Азамат] к какой-нибудь шайке *абреков*, да и сложил буйную голову за Тереком, или за Кубанью...»; «... я ездил с *абреками* отбивать русские табуны...». У Л. Толстого в «Казаках»: «... казаки каждый час ожидали переправы и нападения *абреков* с татарской стороны...»; «Объезд, посланный для розыска *абреков*, застал пе-

¹ См. В. Н. Ярцева, Свободное и связанное дополнение в английском языке, стр. 410.

² Нерасторжимость сказуемого сочетания особенно велика с точки зрения глагола. Спрягаемая форма глагола без подлежащего встречается исключительно редко.

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, чч. I—II, Харьков, 1888, стр. 534—535, 220.

⁴ Наиболее раннее известное нам упоминание об абреках относится к 1743 г.: «В самом том месте живут до тридцати дворов люди и по кабардински называют обрек. А оные суть бегленцы ис кабардинцев же и из кумык и такие, которые учинили убийства или другие важные проделзости и оттого збежали в Татартуп...» — см. «Сообщение киярского джорянина Алексея Тузова в Коллегии иностранных дел...», в кн. «Материалы по истории Осетии. (XVIII век)», т. I («Изв. Сев.-осет. научно-исслед. ин-та», т. VI), Орджоникидзе, 1934, [шмунтит.: 1933], стр. 34.